УЧИТЕЛЬСКАЯ ГАЗЕТА • СУББОТА, 25 ЯНВАРЯ 1986 ГОДА

105

К 160-летию М. Е. САЛТЫКОВА-ЩЕДРИНА

Дальнобойное слово

Михаил Евграфович Салтыков-Щедрин (1826—1889). С портрета И. Крамского. 1879.

Его суровое лицо напряженно смотрит на нас с портретов, а страдальческий голос... чуть ли не отговаривает читать писателя Щедрина: и однообразен-то он («Двадцать пять лет сряду одну и ту же ноту тяну, и ежели замолкну, то замолкну именно с этой нотой, а не с иной»), и совершенно непонятен будет потомкам: «Уже современники читают его не иначе, как угадывая смысл и цель его писаний и комментируя и то и другое каждый по-своему; детям же и внукам и подавно без комментариев шагу ступить будет нельзя».

Был он при жизни, по собственному выражению, «предметом достаточного количества несочувственных... оценок». И это еще мягче мягкого сказано, если вспомнить дружное постановление четырех министров, которые, закрыв руководимый Щедриным журнал «Отечественные записки», обложили великого сатирика, как редкого вымирающего зверя, или, как он сам сказал, запечатали ему душу. Вот уж кто по праву мог повторить о себе, что «ловит звуки одобренья не в сладком ропоте хвалы, а в диких криках озлобленья».

Крики эти не унимались и после его смерти. Почти что над гробом Щедрина заявляли, что «писатель с довольно безотрадным и мрачным, но неопределенным мировоззрением предавался вообще глумлению и отрицанию... не нашел в народе и в своей стране ничего лучшего, кроме глуповцев и идиотского города Глупова».

Даже его великий современник Лев Толстой порой сожалел о «пропавшей силе» щедринского таланта. А Розанов позже хвастался, что «имел какой-то безотчетный вкус не читать Щедрина, и до сих пор не прочитал ни одной его «вещи», — и это не помешало тут же вынести обвинительный вердикт: «Этот ругающийся вице-губернатор — отвратительное явление». — Так и напечатано в известной книге «Уединенное», и только читая в архиве предсмертные розановские записи, узнаешь о его запоздалом «покаянии» перед сатириком: «Целую жизнь я отрицал тебя в каком-то ужасе, но ты предстал мне теперь в **своей полной истине**. Щедрин, беру тебя и благословляю».

Поверил ли бы писатель, что ныне его вспоминают в речах на самые злободневные темы, что не только его нелюбимое детище, пьеса «Тени» шла в наших театрах, но даже роман «Современная идиллия», на что уж, кажется, нуждавшийся в комментариях, в значительной своей части инсценирован и роли рассказчика, Глумова и Балалайкина стали истинным украшением актерских биографий Игоря Кваши, Валентина Гафта и Олега Табакова?!

«Современная идиллия»—остро-злободневный в пору своего появления роман столетней давности! — на сцене театра, носящего имя «Современник». Какой славный парадокс, не правда ли? Только — парадокс ли это?

Уже современник сатирика, критик П. В. Анненков писал, что эта книга «открывает бесконечные галереи для мысли». Нынешнему читателю, возможно, этот образ покажется несколько странным, но лишь потому, что за минувшие с тех пор годы стерлось, исчезло (даже из толковых словарей!) одно из значений слова «галерея», еще вполне ощутимое для проницательного Павла Васильевича: подземные ходы в рудниках и при осадных работах.

И если «ругающийся вице-губернатор» был среди тех, кто десятилетиями упорно и отчаянно осаждал, штурмовал твердыни, казавшиеся еще неприступными, то проложенные им минные галереи (был и такой термин!) уходили дальше, угрожая уже тем бастионам и фортам, которые еще только будут лихорадочно сооружаться потомками щедринских противников, защитниками обреченных крепостей.

Легко, однако, написать: «обреченных»! Скоро сказка сказывается... Какие трагические поражения суждено бывает претерпеть осаждающим, что за зияющие бреши возникают в их рядах!

Щедрин сам в полной мере испытал это в пору, когда, по слову его ближайшего соратника — Некрасова —

Смолкли честные, доблестно павшие,
Смолкли их голоса одинокие,
За несчастный народ вопиявшие,
Но разнузданы страсти жестокие.

Он настойчиво и тревожно предупреждал своих — тогдашних и будущих — читателей о подобных опасностях: «...стоит только оплошать — и крепостное право вновь осенит нас крылом своим», или — в другой раз: «Разве не бывало примеров... что и низверженные кумиры вновь взбирались на старые пьедесталы и начинали вращать алмазными очами?».

И в длящейся схватке с этой цепкостью и зубатостью «устаревший» писатель — незаменимый, ежедневный могучий союзник, подчас далеко опережающий нас и в быстроте реакции на совершающееся именно сейчас, и в глубине понимания психологии «старого ехидства», угадываемого сатириком под наисовременнейшим, по самой последней моде сшитым костюмом:

«Нужды нет, что тут же, в этом самом мундире, ненавистник измышляет пакость тому самому делу, в пользу которого он парадно вырядился, — повторяем: эта пакость совершится за кулисами, на заднем дворе, на сцене же будут красоваться все внешние признаки преданности делу...».

Спасибо за предупреждение, Михаил Евграфович, ведь и правда...

Мы с вами радуемся такому вполне своевременному картинному напоминанию и зорче присматриваемся к тем нынешним ловкачам, в которых прямо как будто переселилась душа давних щедринских персонажей. От души веселимся и меткому словцу сатирика о людях «дерзких на услугу» или о находящихся во «всегдашней неколебимой готовности следовать указанию всякого одаренного способностью указывать перста» и совершающих при этом самые головокружительные курбеты («Вчера существовало крепостное право — я был крепостником; сегодня крепостное право отменено — я удивляюсь, как можно было дожить до настоящей вожделенной минуты и не задохнуться»,—откровенничает один из щедринских «ташкентцев»).

Но, однако, что это?! — Насмешливо острый взгляд писателя на сей раз обращен уже на нас самих и высвечивает нечто такое, что, увы, никак нельзя не признать нам свойственным: «Мы склонны раздражать себя всякого рода утопиями... Мы охотно перескакиваем через все препятствия (в мыслях! — **А. Т.**), устраняем подробности процесса и заранее наслаждаемся уже концом не начатого еще дела».

Увы, «вице-губернатор» ругается не без основания! Уж сколько раз подобное случалось: «Гладко было на бумаге, да забыли про овраги», как пелось в давней солдатской песне.

А Щедрин про «овраги» напоминает постоянно и своим «старинным» слогом отчетливо обозначает те коварные жизненные «развилки», где можно запросто сбиться с верной дороги: «Разделять одну и ту же задачу на две половины, из которых на одну соглашаться, а о другой игнорировать, — значит добровольно обманывать самих себя». Как тут не призадуматься и не пересмотреть заново намеченный было план действий!

Читаешь подобное — и вот уже совсем по-иному начинаешь воспринимать страдальчески-нетерпеливое выражение на последних фотографиях писателя: словно он всегда, по собственному признанию, до боли сердечной любивший родину, и поныне всей душой отдается ее заботам и тяготится тем, страдает оттого, что не может принять этот груз на свои плечи, вмешаться во все происходящее самому — кому помочь, кого оттеснить, припечатать крепким щедринским словцом таких, которые, подобно помпадуру Митеньке Козелкову, лишь повторяют: «вперед! вперед! вперед!», а сами ни с места, у кого, как у незабвенного Иудушки Головлева, от пустяков в горле пересохло, или тех, кто пребывает в тупоумном недоумении по случаю необходимых, но «беспокойных» перемен и — особливо — отстранения от дел «возлюбленных» начальников («Какая «преклонность лет»! и всего-то по формуляру семьдесят пять лет значится! в самой еще поре!»).

Только напрасно Щедрин печалится: сказанное им слово оказалось настолько дальнобойным, что и сто с лишком лет спустя после своего появления безошибочно «накрывает» новые цели и грозным огневым валом расчищает путь наступающим на все то, что — тоже до боли сердечной и до своего последнего вздоха — ненавидел, презирал, обличал великий русский сатирик.

А. ТУРКОВ.